

Политическая лингвистика. 2023. № 3 (99).
 Political Linguistics. 2023. No 3 (99).

УДК 811.161.1'42:811.581'42
 ББК ШП41.12-51+ШП71.1-51

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Сунь Фуцин^{1,2}✉

Хуан Чжунлянь³✉

¹ Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, 1406884556@qq.com ✉, <https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>

² Северо-Восточный университет лесного хозяйства, Харбин, Китай

³ Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай, zhuang1604@163.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-6487-9400>

Сопоставительное исследование спортивных и игровых метафор в российском и китайском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. Метафора служит зеркалом, отражающим существенные черты определенной реалии. Метафора в политическом дискурсе играет важную роль в формировании представлений о концептах и идеологии. Многообразии метафор политического дискурса можно свести к повторяющимся метафорическим моделям. Абстрагирование в виде метафорического моделирования является необходимой предпосылкой при систематизации материала в исследовании метафор. К наиболее частотным в китайском и российском политическом дискурсе относятся спортивная и игровая метафорические модели, особенно в сфере политической аналитики и обзоров. Статья основана на теории регулярной многозначности и теории концептуальной метафоры, в то же время методологической основой исследования стал предложенный А. П. Чудиновым метод выявления «метафорической модели». Согласно классификации, предложенной А. П. Чудиновым, выделяются следующие основные модели: «мир животных», «мир растений», «спорт и игра», «театр», «человек», «метафоры родства» и др. Предпринятое исследование метафорической модели сфокусировано на внутренней структуре данной модели, существующей в российском и китайском политическом дискурсе, особое внимание уделяется различающимся элементам внутренней структуры. Несовпадения появляются по причине различий в культурах и образе мышления. Целью данного исследования является анализ спортивной и игровой метафоры в российском и китайском политическом дискурсе. Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие задачи: 1) выявление сходств и различий метафорических моделей в русском и китайском дискурсе; 2) исследование когнитивных механизмов формирования политической метафорической модели и выявление глубинных причин сходств и различий моделей, в том числе связанных с эмпирическим познанием. В работе совмещается теория когнитивной лингвистики, то есть классическая для науки США концепция концептуальной метафоры, и традиционная для российской науки теория метафорического моделирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, спортивные метафоры, игровые метафоры, политическая метафорология, метафорическое моделирование, метафорические модели, когнитивная лингвистика, языковые средства, русский язык, китайский язык, сопоставительные исследования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Сунь Фуцин, пост-докторант института китайского языка и культуры, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай; доктор, преподаватель, институт иностранных языков, Северо-Восточный университет лесного хозяйства, Харбин, Китай; 26 Hexin Road, Xiangfang District, Harbin 150010, China; email: 1406884556@qq.com.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ-КОРРЕСПОНДЕНТЕ: Хуан Чжунлянь, доктор филологических наук, профессор, Исследовательский центр переводоведения, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай; email: zhuang1604@163.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Данная работа выполнена при поддержке целевого фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования, проект «Когнитивное исследование метафор в русском переводе политического дискурса в новую эпоху (20YJC740054)», и проекта Северо-Восточного университета лесного хозяйства «Исследование проектирования преподавания на уроке с точки зрения идеологического и политического воспитания учеников (DGY2021-51)».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сунь, Фуцин. Сопоставительное исследование спортивных и игровых метафор в российском и китайском политическом дискурсе / Сунь Фуцин, Хуан Чжунлянь. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 3 (99). — С. 185-195.

Sun Fuqing^{1,2}✉

Huang Zhonglian³✉

¹ Heilongjiang University, Harbin, China, 1406884556@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2072-2804>

² Northeastern University of Forestry, Harbin, China

³ Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China, zhuang1604@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-6487-9400>

A Comparative Study of Sports and Games Metaphors in Russian and Chinese Political Discourse

ABSTRACT. A metaphor is a mirror that can reflect the significant features of reality. Political discourse metaphor plays an important role in the creation of a concept and an ideology. The multitude of metaphors in political discourse can be reduced to a number of recurrent metaphorical models. Abstraction in the form of metaphorical modeling is a necessary prerequisite to the systematization of metaphorical research. The most frequent metaphorical models in Chinese and Russian political discourse include sports and games models, especially in the sphere of political reviews and analytical articles. The article is based on the theory of regular polysemy and the theory of conceptual metaphor. The method of metaphorical modeling worked out by A.P. Chudinov is the main research method in the study. According to the classification by Chudinov, the following basic models are singled out; “world of animals”, “world of plants”, “sports and games”, “theater”, “man”, “kinship”, etc. This study of metaphorical modeling focuses on the internal structure of this model, existing in Russian and Chinese political discourse, with special attention to the differing elements of internal structures. The difference in internal structure can be attributed to the difference in culture and way of thinking. The aim of this study is to analyze the sports and games metaphors in Russian and Chinese political discourse. To achieve this aim, the author has formulated the following tasks: 1. identification of the similarities and differences of the metaphorical model in Russian and Chinese discourse; 2. investigation of the mechanisms of formation of the political metaphorical model and discovery of the underlying causes of similarities and differences of the models, including those associated with empirical cognition. The paper combines the theory of cognitive linguistics, that is, the theory of conceptual metaphor widely used in the USA, and the theory of the metaphorical model, popular in Russia.

KEYWORDS: political discourse, sports metaphors, games metaphors, political metaphorology, metaphorical modeling, metaphorical models, cognitive linguistics, language means, Russian language, Chinese language, comparative studies.

AUTHOR'S INFORMATION: Sun Fuqing, Doctor of Philology, Heilongjiang University, Harbin, China.

INFORMATION ABOUT THE CORRESPONDING AUTHOR: Huang Zhonglian, Doctor of Philology, Professor, Research Center for Translation Studies, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out with financial support of the Special Foundation of socio-humanitarian disciplines of the Ministry of Education Project “Cognitive investigation of metaphors in the Russian translation of the political discourse in the new epoch (20YJC740054) and the Project of the Northeastern University of Forestry “Investigation of classroom teaching design from the point of view of ideological and political education of students (DGY2021-51)”.

FOR CITATION: Sun Fuqing, Huang Zhonglian. (2023). A Comparative Study of Sports and Games Metaphors in Russian and Chinese Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 3 (99), pp. 185-195. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Развитие изучения метафоричности и интерес к этой области во второй половине XX в. во многом обусловлен концепцией Дж. Лакоффа и М. Джонсона, утверждавших: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. После их исследований метафора понимается не только как стилистическое средство, главной функцией метафоры признается когнитивная. Метафора рассматривается как процесс и результат установления связи между областью-источником и областью-мишенью. Метафора может пониматься как форма мышления или как когнитивный механизм, действующий в ходе коммуникативных процессов, механизм получения выводного знания [Чудинов 2004: 92]. Метафора также отражает понимание человеком окружающего мира. Метафора в упрощенном виде представляет политические реалии и способствует их пониманию. Метафора выступает в качестве ядра скрытой оценочности. Метафора в политическом дискурсе выполняет особую оценочно-ориентирующую функцию [Дементьев 2009: 82].

Исследование метафор политического дискурса бурно развивается. Методика исследования в основном включает лингвокультурологический подход, дискурсивный

подход и когнитивно-дискурсивный подход. Характерная черта современных российских исследований — теоретическая и практическая разработка когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафоры [Будаев 2016: 14]. Как утверждает А. П. Чудинов, одним из наиболее перспективных направлений в современной метафорологии стала когнитивно-дискурсивная теория метафоры, которая возникла и развивается в рамках когнитивной лингвистики [Чудинов 2004: 91]. Данное исследование ориентировано на раскрытие когнитивно-дискурсивного механизма метафор сферы «Игра и спорт».

Сфера «Игра и спорт» применительно к политическим метафорам малоизучена. Охарактеризуем существующие мнения по данному вопросу. Н. Б. Филлипова считает, что спортивная метафора является сублимацией военной метафоры. Используя спортивную метафору, политик, общественный деятель, журналист обращается к сфере, в которой ситуацию соперничества, характерную для общественно-политической жизни страны, можно представить в менее категоричной форме, чем это происходит с применением военной метафоры: противоборство в спорте не связано с причинением непоправимого ущерба другому человеку [Филлипова 2011: 80].

Игра имеет грандиозное значение в развитии цивилизации. Можно сказать, что ци-

визации «выросли» из игры. В российском и китайском политическом дискурсе часто используют концепты «спорт» и «игра» в качестве источника метафорической экспансии. Данная модель обладает определенными особенностями при продукции, так что устройство метафор демонстрирует закономерности, таким образом и образуется определенная метафорическая модель. По нашему мнению, метафорическая модель может быть смоделирована на основе конкретных контекстов. Особенно интересна метафора «геополитическая игра», которая часто употребляется в политическом дискурсе, в том числе имеет эквивалентное словосочетание в китайском дискурсе. При таком моделировании понятие «спорт и игра» служит сферой-источником, а политическая концепция — сферой-мишенью, на основе чего формируется системная связь между двумя концептуальными областями, которую можно обозначить как спортивную и игровую метафорическую модель.

Основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией, в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление [Шейгал 2004: 31].

С философской точки зрения сама игра может быть выражена как порядок, который заставляет повторение игровой деятельности выглядеть так, как если бы она исходила от нее самой, ведь игра устраняет внешние обоснования в виде утилитаризма, цели и миссии, а игрок сосредотачивается только на самой игре, показывая тем самым чистую беззаботность [Лю Гэнхуа 2001: 13]. Ван Лифэй утверждает, что метафоры с концептами «война» и «спорт» имеют значение уничтожения женщин и прославления мужчин и что тесная корреляция между ними из-за «вины» «влиятельных мужчин» приводит к слиянию этих двух метафор [Ван Лифэй 2014: 13].

Н. Д. Арутюнова считает, что «понятие игры играет значительную роль в деятельности боевого и соревновательного характера, такой как смежные виды деятельности в политической сфере и спортивной сфере, которые имеют общую черту необходимости стратегической программы или плана боя, и в этих видах деятельности неизбежно присутствуют различные формы обмана, и поэтому они связаны с семантической областью игры» [Арутюнова 2006: 6]. По мнению Т. А. Апинян, «первая модальность игры — метафора, а все явления, связанные с игрой, метафоричны» [Апинян 2003: 113].

Данное исследование основано на теории регулярной многозначности и концептуальной метафоры, предложенной А. П. Чудиновым, и сопоставляет внутренние характеристики метафорической модели игры в российско-китайском политическом дискурсе для выявления различий и сходств внутренней структуры метафорической модели с когнитивной точки зрения.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Изучение метафорических моделей в русском языке начиналось с семантической теории, т. е. теории регулярной многозначности, описывающей законы метафорического моделирования в рамках российского политического дискурса, а теория регулярной многозначности является по сути традиционной семантической теорией, которая обобщенно представлена Ю. Д. Апресяном в рамках описания структурной семантики языка. Эта теоретическая база необходима для описания законов политического метафорического моделирования. Выделяются две основные теории, рассматривающие моделирование политических метафор в современной России: во-первых, с точки зрения семантики (теория регулярной многозначности); во-вторых, с точки зрения когнитивной лингвистики (т. е. использование теории концептуальной метафоры для интерпретации политического моделирования). Исходя из этого, российский ученый А. П. Чудинов предложил метод описания политической метафоры, состоящий в оперировании «**метафорическими моделями**». Мы используем соответствующие теории и методы для сопоставления российско-китайских политических метафор с целью проверки применимости соответствующих теорий и методов к китайскому языку.

Метод исследования метафорического моделирования, предложенный А. П. Чудиновым, ведущим ученым уральской школы российской политической лингвистики, базируется на теории концептуальных метафор, семантической теории и др. А. П. Чудинов в качестве основы классификации берет исходную область политической метафоры (понятийный источник метафоры). Он проанализировал доминирующие метафорические модели, опираясь на особенности использования метафоры в российской политике с 1991 по 2000 г., и предложил рассматривать следующие параметры для метафорического моделирования: 1) источник метафорической экспансии — ментальная сфера, исходная сфера; 2) направление метафорической экспансии — ментальная сфера-мишень; 3) сценарий; 4) фрейм; 5) слот; 6) компоненты. А. П. Чудинов опи-

сывает данные метафорические параметры следующим образом: «Если использовать метафорический образ, то сценарий модели можно сопоставить с последовательностью кадров на киноплёнке, фрейм — с отдельным кадром, а слот — с его частью. Если быть более точным, то сценарий модели следовало бы сравнивать не с каким-то конкретным фильмом, а с типовым содержанием фильмов определенного жанра (детектив, „мыльная опера“ и т. п.). Соответственно фрейм — это как бы типичный кадр из соответствующих фильмов (например, полиция преследует преступников), а слот — типовой компонент такого кадра» [Чудинов 2001: 46].

Метафорическое моделирование — это открытая система, для которой характерен процесс постоянного расширения, добавления новых элементов, приобретения всё большей точности и разветвленности.

Основываясь на характеристиках метафор в российском политическом дискурсе с 1991 по 2000 г., также учитывая особенности социального и языкового развития в этот период, принимая во внимание продуктивность метафорических моделей, а также доминирующие модели и степень их рациональности, А. П. Чудинов подробно описал основные метафорические модели: 1) метафоры человеческого тела (антропоморфная метафора) — политические метафоры с понятием «человек» как исходной областью; все метафоры данной сферы в русском политическом дискурсе охватываются следующими моделями: метафоры человеческого тела, метафоры болезни, сексуальные метафоры, семейные метафоры; 2) природные метафоры (метафора природы) — понятие «животное» или «растение» как ментальная сфера-источник; 3) социальные метафоры — политические метафоры с «преступлением», «войной», «драмой» и «играми и спортом» в качестве исходных областей; 4) метафора рукотворных объектов (артефактная метафора) — ментальной сферой-источником является понятие «дом» и «машина», которые представляют собой рукотворные объекты, созданные самими людьми, отражающими опыт людей.

Метафорическое моделирование — это метод и инструмент описания внутренней структуры метафор, а также способ понимания политической реальности. В то же время в процессе анализа метафор политического дискурса мы должны уделять внимание «эмпирическому познанию»: политическая реальность не должна игнорироваться, данные о ней должны присутствовать в исследовании.

3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОРТИВНО-ИГРОВОЙ МЕТАФОРЫ В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Моделирование спортивно-игровых метафор в российском политическом дискурсе в основном представлено в виде следующих моделей: «*Политическая деятельность — это игра*»; «*Политическая деятельность — это игра в карты*»; «*Политическая деятельность — это игра в шахматы*»; «*политическая деятельность — это соревнование*». Данные метафорические модели существуют и в китайском политическом дискурсе, но целевая область метафорических моделей в разных языках демонстрирует различные тенденции развития семантики.

3.1. Сравнительный анализ метафорической модели «*政治是游戏*» / «*Политическая деятельность — это игра*»

Метафорические фреймы российского политического дискурса в основном используют концепт «игра» в качестве ментальной сферы-источника, здесь имеется в виду общее значение концепта «игра», например:

1. *Мировое сообщество не проявило бдительности, воли, сплочённости, чтобы не допустить войны, сохранить миллионы и миллионы жизней. Какой ещё нужен урок, чтобы сегодня, отбросив старые, истрепавшиеся идеологические разногласия и геополитические игры, объединиться для борьбы с международным терроризмом?* [В. Путин, 2016.06.22].

Данный пример взят из выступления В. В. Путина на пленарном заседании Государственной думы. Ментальная сфера-источник этой метафоры — игра, а ментальная сфера-мишень — геополитика, их сходство — соревновательность и регулярность, за счет чего формируется метафорическая проекция «игры» → «геополитика», т. е. представления о конкурентных и регулярных характеристиках концепта «игра» сопоставляются с концептом «геополитика», что призвано подчеркнуть прагматический характер геополитики, основанной на конкуренции и правилах.

По сути, выражение «*геополитическая игра*» в политическом дискурсе постепенно стало общеупотребимым, а метафора стертой, и у населения сформировалось определенное ее восприятие; обычно метафора «геополитическая игра» имеет негативный социально-оценочный смысл.

Схема концептуального метафорического моделирования «*политическая дея-*

тельность — это игра» часто используется в китайском политическом дискурсе, например:

2. *中国应当加快发展战略核打击力量, 开展战时摧毁“萨德”系统的部署。如果“萨德”能够促使中国战略核力量质的升级, 那么中国就是这场游戏更高层次的赢家。* (环球时报, 2017.07.29). — Китаю нужно ускоренно развивать и наращивать ядерные силы для подавления комплекса ТНААД во время проведения военных действий. Если ТНААД способствует качественной модернизации стратегических ядерных сил Китая, то Китай станет победителем в этой игре на более высоком уровне («Глобал таймс», 2017.07.29).

Этот пример взят из редакционной статьи «Северная Корея снова производит запуски, решительно отвергает „теорию ответственности Китая“», ментальная сфера-источник — игра, ментальная сфера-мишень — развертывание Соединенными Штатами ТНААД в Южной Корее, что серьезно угрожает безопасности Китая, в результате чего наблюдалась напряженность во взаимоотношениях на китайско-корейской внешнеполитической арене. Сходство ментальных областей — конкуренция, формируется метафорическая проекция «игра» → «китайско-корейские политические проблемы, вызванные развертыванием ТНААД Соединенными Штатами в Южной Корее», с характеристиками ментальной сферы-мишени сопоставляются такие свойства игр, как конкурентность и враждебность.

Метафорически осмысляемые соревновательные виды спорта были расширены за счет других бесконтактных игровых мероприятий: настольных и карточных игр, которые являются менее конфронтационными и вредными, а также более кооперативными и интересными. Таким образом, изменение степени конкуренции и сотрудничества и представлений о роли силовых методов решения противоречий отразилось в эволюции популярных метафор: «война» → «спорт» → «игра», соответственно были переосмыслены отношения между субъектами: «„враждебный“ конкурент» → «игровой партнер» [см.: Zhang Lixin 2018: 182]. В русской метафорической модели **«политика — это игра»** ментальная сфера-источник «игра» часто выражается в виде понятий-гипонимов, таких как «игральные карты» и «игра в шахматы», часто с помощью выражений «разыгрывать карты» (игральные карты), «козырь», «азартные игры», например:

3. *И согласно слухам, упорно циркулирующим с некоторых пор в российских политических кругах, президент испытывает проблемы со здоровьем. Поэтому-то,*

мол, и не торопится раскрывать предвыборные карты (МК, 2017.05.28). — *据传言, 在俄罗斯政界不知何时开始流传这样的说法: 总统出现健康问题。因此并不急摊开选举牌。*

В примере 3 ключевые слова «раскрыть предвыборные карты», ментальная сфера-источник — раскрыть карты, ментальная сфера-мишень — объявить о результатах президентских выборов (результаты открытых президентских выборов), сходство сфер — открытость, это формирует метафорическую проекцию «раскрытие карт» → «президентские выборы». Характеристики открытости противостояния сопоставляются с целевой областью — президентскими выборами. Данный контекст служит убедительным подтверждением точки зрения, которая высказывалась некоторыми учеными: метафорическая модель **«Выборы президента — это игра»** актуальна для российского политического дискурса, т. е. метафора спортивных игр часто используется для объяснения концептуальной области политических выборов, представления о спортивных играх служат для объяснения и раскрытия существенных характеристик электоральной деятельности, при этом отражаются тенденции когнитивно-культурного развития целевой области.

В китайском политическом дискурсе тоже широко используется метафорическая модель **«политическая деятельность — это карты»**, сигнализирующими об этом словами являются «игра», «карты», «игральные карты», «перетасовка карт», «раздача карт» и «козыри», а наибольшей частотой пользуется **«博弈»** (играть в китайские шахматы), например:

4. *王毅表示, 中方始终认为, 非洲应当是国际合作的大舞台, 而不是大国博弈的竞技场。支持非洲发展是国际社会的共同责任, 各国应当在尊重非洲主权、倾听非洲声音的前提下开展对非合作, 发挥各自优势, 形成有效合力, 为非洲人民的福祉多做好事, 多办实事。* — Ван И сказал, что Китай всегда считал, что Африка должна быть большой сценой для международного сотрудничества, а не ареной для игр великих держав. Поддержка развития Африки является общей обязанностью международного сообщества, и все страны должны осуществлять сотрудничество с Африкой на основе уважения суверенитета Африки и прислушиваться к голосу Африки, использовать свои имеющиеся преимущества, налаживать эффективное взаимодействие, делать больше добрых дел и заниматься практической деятельностью для благополучия афри-

канского населения («Жэньминь жибао», 2022.08.18).

Пример 4 взят из ответа Ван И на вопрос корреспондента: «В настоящее время в международном сообществе ведутся некоторые дискуссии о китайско-африканском сотрудничестве, высказывается мнение, что влияние Китая в Африке растёт с каждым днем и он конкурирует с другими странами Африки. Как вы оцениваете это?»

Исходная область этой метафоры — шахматная доска, целевая область (область-мишень) — международное сотрудничество Африки с Китаем и другими странами мира, сходство областей — конкуренция. В данном случае метафора игры приобретает негативный смысл, подчеркивается, что китайско-африканское сотрудничество не является конкуренцией с другими странами.

Использование метафоры «карты» в качестве слова с информативной функцией обладает явной иронией и часто — негативным оценочным смыслом. Ключевое слово «козырь» подчеркивает большую ценность чего-либо.

При вербализации метафорической модели «Политическая деятельность — это игра» к ключевым словам относится не только существительное с семантикой «карта», но и глаголы, выполняющие информативную функцию и обозначающие действия с картами, а именно: *出牌、打牌、摊牌、洗牌 (показать карты, играть в карты, раскрыть карты, перетасовать карты и т. д.)*.

5. 倪峰23日对《环球时报》记者说, 在南海问题上, 中美间的战略竞争在增加, 但无论如何, 双方有一个基本的共识, 再怎么样也不能发生对抗。因此双方频繁沟通、磋商, 防止出现任何失控或自由落体的局面。“南海问题越来越突出, 美国试图调动各种资源对中国形成压力, 但并不是中美摊牌的节奏。” (环球时报, 2016.02.24) — Ni Feng заявил корреспонденту *Global Times* 23-го числа, что по вопросу Южно-Китайского моря стратегическое соперничество между Китаем и Соединенными Штатами усиливается, но в любом случае обе стороны должны прийти к консенсусу, что не зависит от того, какая конфронтация может произойти. Поэтому обе стороны часто общаются и ведут переговоры, чтобы предотвратить потерю контроля или уход в свободное падение. «Проблема Южно-Китайского моря становится все более заметной, и Соединенные Штаты пытаются мобилизовать различные ресурсы для давления на Китай, но это не удобный момент, чтобы раскрывать карты относительно происходящего меж-

ду Китаем и Соединенными Штатами» («Глобал Таймс», 2016.02.24).

Исходная область для пятого примера — раскрытие карт, целевая область — конфликт между Китаем и Соединенными Штатами в Южно-Китайском море, в результате формируется метафорическая проекция «разкрытие карт» → «война между Китаем и Соединенными Штатами в Южно-Китайском море», концепция исходной области (действия игрока) сопоставляется с концепцией целевой области. В этом примере подчеркивается негативное значение метафоризируемого действия: указывается на существование конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами, а Соединенные Штаты изображаются оказывающими давление на Китай по поводу контроля над Южно-Китайским морем, однако подчеркивается невозможность для обеих сторон решить проблему силой.

Кроме того, при использовании метафор учитывается, что шахматы являются соревновательным видом спорта, в котором россияне лучше многих разбираются, «шахматы — самый важный спортивный проект в Советском Союзе и России», после 50-х гг. XX в. большинство шахматистов самого высокого в мире уровня сосредоточено в Советском Союзе, после распада Советского Союза общий уровень российских игроков понизился, но они все еще находятся в авангарде шахматистов мира. Таким образом, в российско-китайском политическом дискурсе часто используется концептуальная метафора «Политика — это шахматные игры», особенно часто — в российском дискурсе.

6. Это нормальные политические шахматы. То есть он действительно серенький, он действительно блеклый, он действительно такой, какой есть, каким мы его видим (NEWSru.com 2019) (НКРЯ).

Этот пример взят из НКРЯ, «высланный» из России В. В. Путиным журналист сравнивает политические события с игрой в шахматы, которая отличается конкурентоспособностью; в данном примере подчеркивается, что в политических событиях всегда есть пострадавшая сторона.

7. Россия是世界棋局中的高手。在冷战后的西方意识中, 俄罗斯是失败者, 布热津斯基甚至嘲讽俄罗斯“没有资格成为西方的对手”。美国历史的短暂, 显然铸成了对待俄罗斯问题上的短视。(环球时报, 2015.10.28) — Россия — мастер мировой шахматной игры. В сознании Запада Россия проиграла холодную войну, Бжезински даже высмеял Россию как «неквалифицированную для того, чтобы быть противником Запада». Краткость американской истории явно сыграла роль в

недальновидности отношений с Россией («Глобал Таймс», 2015.10.28).

Исходная область примера № 7 — мастер шахматной игры, целевая область — Россия, в результате образуется метафорическая проекция «мастера шахматной игры» → «Россия», сходство — сила. Происходит перенос характеристик мастера шахматной игры («сила») на концепт «Россия», тем самым подчеркивается прагматическое значение большой силы России.

В китайском политическом дискурсе метафора «начало» / «старт» как сигнальное слово может относиться к начальному этапу реформы, а характеристики стартовой точки соответствуют завершению подготовительной работы в начале реформ, за счет чего формируется метафорическая модель «политическая деятельность — это соревнование», например:

8. 全面完成党的十八届三中全会确定的改革任务还有7年时间。起跑决定后程。今年工作抓得怎么样，对起好步、开好局意义重大。要把抓落实作为推进改革工作的重点，真抓实干，蹄疾步稳，务求实效。(习近平, 2014.02.28) — Осталось еще семь лет, чтобы полностью выполнить задачи реформы, поставленные третьим пленумом ЦК КПК 18-го созыва. Старт определяет обратный курс. То, насколько хорошо вы выполняете работу в этом году, имеет большое значение для того, чтобы сделать хороший шаг и начать успешную игру. Мы должны сосредоточиться на реализации реформ, выполнять тяжелую работу и неуклонно продвигаться вперед, чтобы достичь практических результатов (Си Цзиньпин, 2014.02.28).

Метафора примера № 8 — начальная стадия соревнования, целевая область — начальная стадия национальной реформы, метафоризация образует метафорическую проекцию «начало соревнования» → «начальная стадия национальной реформы», где начальные характеристики понятия «старт» в исходной области сопоставляются с начальным этапом национальной реформы с целью подчеркнуть прагматическое значение «завершение работы в начале реформы имеет большое значение для последующей работы».

По сравнению с китайским языком, в русском метафорическая модель спортивных игр в основном используется в политическом дискурсе с темой «выборы» в качестве целевой области. В русском языке также используется понятие «гладиаторские бои» как метафора исходной области с такими сигнальными словами, как «бокс», «борьба», «дзюдо» и «схватка». Как известно, Россия — страна с богатой дуэльной ис-

торией, а перечисленные виды спорта имеют характерные черты «дуэли», кроме того, являются для России более традиционными видами спорта, поэтому такого рода метафора отражает уникальный культурный познавательный опыт российской нации. В русском языке предпочтение отдается метафорической модели «Политика — это шахматный турнир», которая практически отсутствует в китайском политическом дискурсе.

3.2. Метафорический фрейм «Правила игры»

Будь то повседневная развлекательная игра или официальное спортивное соревнование, существуют определенные правила (более строгие для официальных матчей), и в политической сфере люди также должны соблюдать определенные правила, такие как конституцию, законы, соглашения и этические нормы.

Метафорические фреймы «правил игры» в российском политическом дискурсе в основном включают в себя «соблюдение правил игры» и ключевое слово «нарушение правила и наказание». Первая группа представлений в основном используется с употреблением ключевого слова «правила игры», вторая — «фальстарт», например:

9. Правила игры должны быть такими, чтобы развивающиеся экономики имели шанс хотя бы догнать тех, кого мы называем экономиками развитыми (В. Путин, 27.10.2016).

Пример № 9 — отрывок из выступления В. Путина на международной конференции клуба «Валдай» в 2016 г., где Путин метафорически сравнивает экономическое развитие с игрой — применяется метафора «игра», соответственно правила мировой экономики метафорически представлены как «правила игры». Исходная сфера этой метафоры — правила игры, целевая область — правила глобальной экономики, в результате формируется метафорическая проекция «правила игры» → «правила мира», реципиенты сопоставляют понятие мировых экономических правил с понятием правил игры, через суждения, рассуждения и другие мыслительные процессы устанавливается сходство двух явлений — закономерность их действия; В. В. Путин намеренно подчеркивает прагматический смысл того, что международное экономическое сообщество должно подчиняться конкретным правилам.

Регулярность политической деятельности подчеркивается и в китайском политическом дискурсе, например:

10. 国际秩序就是全球治理中的“游戏规则”，或者说一种通行的价值、概念和机制。它

主要由大国塑造, 小国追随和执行, 新崛起大国常因不满意既成大国塑造的秩序而想打破这些规则, 重新塑造反映自身价值观念的秩序。(环球时报, 2017.08.08) — *Международный порядок — это «правила игры» в глобальном управлении, или общая ценность, концепция и механизм. В основном его формируют крупные страны, а малые страны следуют ему и внедряют его. Еще развивающиеся крупные страны часто хотят нарушить эти правила и изменить порядок, чтобы он отражал их собственные интересы, потому что их не устраивает порядок, сформированный развитыми крупными странами* (Global Times. 2017.08.08).

Исходная область примера № 10 — правила игры, целевая область — международный порядок, формируется метафорическая проекция «правила игры» → «международный ранг». Метафорическое проекция — сравнение концепции международного порядка с концепцией правил игры, сходство между ними может быть установлено через суждение, рассуждение и другие мыслительные процессы, заключается в связанности и нормативности. В данном контексте понятие «правила игры» из повседневной жизни используется для объяснения сложного политического понятия «международный порядок», которое в полной мере отражает мощную объяснительную функцию метафоры в политическом дискурсе. В то же время метафора подчеркивает важность международного порядка, его обязательную силу для международной политики и его нормативное прагматическое значение.

Нерегулярность и иррациональность политических действий выражается в российском политическом дискурсе с помощью концепта «фальстарт». Образуется концептуальная метафора «политические нарушения — это фальстарт», редко встречающаяся в китайском языке, например:

11. *Руководитель региональных программ Экспертного института социальных исследований Андрей Колядин отметил, что 15 июня президент вряд ли даст конкретный ответ на вопрос об участии в выборах-2018, поскольку это может дать «фальстарт кампании»* (Известия, 2017.06.14).

Исходная область этой метафоры — фальстарт, концепция целевого домена скрыта, и из рассуждений можно узнать, что целевая область — предвыборное нарушение правил, образуется метафорическая проекция «фальстарт на спортивном соревновании» → «предвыборное нарушение правил», тем самым подчеркивается прагматический смысл того, что правила не должны быть нарушены до выборов.

Китайский политический дискурс редко использует метафору «нарушение правила и наказание» в качестве ключевых слов, было отмечено только несколько вариантов использования, например цитата Лу Цзяньина, заместителя директора Института Дальнего Востока РАН, в статье под названием «Российские эксперты говорят, что „ядерный фол“ Северной Кореи заставил Китай впасть в конфронтацию с Соединенными Штатами»:

12. *Лу Цзяньин далее указал, что союзнические договоры между Соединенными Штатами и Японией и между Соединенными Штатами и Южной Кореей также меняются в сторону углубления военно-политических альянсов. Но причина активной деятельности между США и Японией не только из-за Северной Кореи, но и связана с островным спором между Китаем и Японией. При этом Северная Корея, находящаяся на грани «ядерного фола», сознательно и неосознанно ставит своего «старшего брата» в ситуацию геополитического противостояния и региональной конкуренции с США* (Глобальная сеть, 2012.12.06).

3.3. Метафорический фрейм «Результаты игры»

То, что объединяет повседневные игры и спортивные соревнования — это соревновательность, а наиболее яркой чертой соревновательного поведения являются конкурентоспособность и результат. Кроме того, спорт и игры также объединяются характеристиками соревновательности и последовательности. Метафорическая структура «игрового результата» в русском языке в основном включает в себя следующие сигнальные слова: 1) глаголы: *выиграть, победить, одержать победу, завоевывать победу, проигрывать, сдаться*; 2) существительные: *победа, выигрывающий, проигрывающий, победитель, поражение* и т. д., например:

13. *Важно создать условия для созидательного труда и экономического роста, обеспечить темпы экономического роста так, чтобы мир не был больше разделён на вечно проигрывающих и вечно выигрывающих. **Правила игры** должны быть такими, чтобы развивающиеся экономики имели шанс хотя бы догнать тех, кого мы называем экономиками развитыми* (В. Путин, 2016.10.27).

Исходная область — выигрывающий и проигрывающий в игре, целевая область — развитые экономики и развивающиеся экономики, образуется метафорическая проекция «победители игры» → «развитые экономики» и «проигравшие в игре» → «развивающиеся экономики». Эта метафора под-

черкивает, что концепт «победитель» имеет положительную коннотативную оценку, а «проигравший» — отрицательную коннотативную оценку.

Игровая метафора «выигрывать» как ключевое слово в политическом дискурсе указывает на его тенденции к имплицитным высказываниям, подчеркивает характеристики некоторых политических субъектов, преследующих определенные результаты и принципиально руководствующихся чьими-либо интересами, например:

14. *Нам рассказывали, что «игра с нулевой суммой» — если один выигрывает, другой обязательно проигрывает — это то, как видят мир диктаторы-параноики. Демократия ищет сотрудничества, а не конфронтации, и ведет «игру с ненулевой суммой», в которой выигрывают все вовлеченные стороны* (Взгляд, 2017.07.25).

Это отрывок из статьи, опубликованной в российской газете «Мнение», в которой рассматриваются циркулирующие в американском обществе комментарии о манипулировании президентом России Владимиром Путиным выборами в США. В сочетании с контекстом можно видеть, что «соответствующая политическая деятельность авторитарных стран» метафорически изображается «игрой с нулевой суммой», которая представляет собой игру с потерями и победами; с помощью метафоры подчеркивается, что Соединенные Штаты руководствуются принципом однополярного мира и что политическая деятельность направлена на достижение определенных результатов. Метафорически характеризуется политическая деятельность «демократии (России)» как «игра без нулевой суммы»: все участники являются победителями, подчеркивается, что Россия руководствуется политической философией мира без проигравших.

Метафорическая структура «игрового результата» в китайском политическом дискурсе в основном включает в себя такие ключевые слова, как *赢家* — «победитель» и *输家* — «проигравший», *非零和* — «ненулевая сумма». Ключевое слово «победитель» часто используется в качестве метафоры для обозначения стороны, которая получает выгоды и доминирует в конкурентных международных делах (политических событиях), а ключевое слово «проигравший» относится к стороне, которая не получила выгоды и находится в невыгодном положении в свете неких политических событий. Приведем пример:

15. *在过去几十年全球化过程中, 从世界范围看, 只有赢家没有输家, 各经济体都是全球化受益者, 只是在不同时间点受益程度不同。在本轮全球化中, 中国发展取得了巨大成就, 中国人*

民生活得到了极大改善, 当今中国已是世界第二大经济体。(北京青年报, 2017.03.27) — В ходе глобализации за последние несколько десятилетий, с точки зрения всего мира, есть только победители и нет проигравших, и все экономики являются бенефициарами глобализации, но в разной степени в разные моменты времени. В этом раунде глобализации Китай добился больших успехов в развитии, значительно улучшил уровень жизни китайского народа и в настоящее время является второй по величине экономикой в мире (Пекинская молодежная ежедневная газета, 2017.03.27).

Исходная область — «победитель» в игровой деятельности, целевая область — бенефициар в процессе глобализации, сходство — аналогичные результаты, формируется метафорическая проекция «победители» → «страны, извлекающие выгоду из глобализации», сопоставляются «победители» исходной области с понятием «выгод» целевых областей, тем самым подчеркивается предсказуемость процесса и прагматическое значение глобализации, приносящей выгоды всем участвующим странам.

Кроме того, в китайском политическом дискурсе вариации ключевого слова «игра с нулевой суммой» контекстуально сопоставляются со словами с отрицательной семантикой, например:

16. *东南亚朋友讲“水涨荷花高”, 非洲朋友讲“独行快, 众行远”, 欧洲朋友讲“一棵树挡不住寒风”, 中国人讲“大河有水小河满, 小河有水大河满”。这些说的都是一个道理, 只有合作共赢才能办大事、办好事、办长久之事。要摒弃零和游戏、你输我赢的旧思维, 树立双赢、共赢的新理念, 在追求自身利益时兼顾他方利益, 在寻求自身发展时促进共同发展。(习近平, 2015.03.28) — Друзья из Юго-Восточной Азии говорят, что «вода поднимается и цветы лотоса высоки»; африканские друзья говорят о «путешествии быстро в одиночку и путешествии далеко вместе»; европейские друзья говорят, что «дерево не может остановить холодный ветер»; а китайцы говорят, что «большие реки полны воды из маленьких рек, а маленькие реки полны воды». Все это одна и та же истина: только взаимовыгодное сотрудничество может помочь добиться больших успехов. Мы должны отказаться от старого мышления игр с «нулевой суммой» и бесприигрышных игр, установив новую концепцию бесприигрышных игр, учитывая интересы других при преследовании наших собственных целей и содействовать общему развитию, когда мы стремимся к нашему собственному развитию (Си Цзиньпин, 2015.03.28).*

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Использование метафорической модели «спорт и игра» в политическом дискурсе оправдано семантикой зрелищности, закономерности и соревновательности, улучшает воспринимаемость комментариев, связанных с политическими событиями. Спортивные и игровые метафоры не имеют сильных наступательных и агрессивных прагматических значений, поэтому могут не только описывать конкурентное политическое поле, но и участвовать в выстраивании идеальной метафорической модели гармоничной международной политической среды.

Метафорические модели «спорт», «игра» и «война» часто демонстрируют пересечение концептуальных областей, особенно в политическом дискурсе, посвященном российским выборам. В китайском и русском языках внутренние формы метафорической модели спортивных игр в значительной степени схожи, но неоднородны по смысловым характеристикам целевой области. Хотя данное исследование рассматривает лишь одну модель, можно сделать вывод, что исследовательские теории и методы, используемые на материале российских политических метафор, применимы в определенной степени и к анализу китайского политического дискурса, а метафоры «спорт и игра» реже применяются в основных жанрах политического дискурса, чаще — в маргинальных жанрах политического дискурса по причине наличия негативного оценочного смысла и характеру комментариев.

Высокочастотное употребление в политическом дискурсе метафорической модели «политическая деятельность — это игра» и «политическая деятельность — это спорт» отражает антропоцентризм мышления. Метафоры игры и спорта предоставляют широкие возможности для передачи и исследования негативно-оценочной семантики; обращение к концептуальной области спортивных игр позволяет глубже понять истинную природу политической деятельности, но в то же время встраивание в политическую речь концептов спортивной игры помогает сделать сложный опыт политической деятельности ближе и понятнее для самой неосведомленной публики, позволяет вызвать у нее необходимый эмоциональный настрой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2006. — 543 с. — Текст : непосредственный.
2. Апресян, Ю. Д. О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1971 — № 6.

3. Апинян, Т. А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие / Т. А. Апинян. — Москва : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. — 113с. — Текст : непосредственный.

4. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. — Москва : Ин-т рус. яз. АН СССР, 1993. — 113 с. — Текст : непосредственный.

5. Будаев, Э. В. Дискусивный подход к анализу политической метафоры / Э. В. Будаев. — Текст : непосредственный // Культура и текст. — 2016. — № 1. — С. 5–19.

6. Ван, Лайфэй. Изучение делового иностранного языка 9 / Ван Лайфэй. — Пекин : Издательство Университета международного бизнеса и экономики, 2014. — 201 с. — Текст : непосредственный. = 王立非. 商务外语研究9. 北京 : 对外经济贸易大学出版社, 2014.

7. Дементьева, М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе / М. К. Дементьева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2009. — № 4. — С. 82–92.

8. Лю, Гэнхуа. «Игра» и «диалог»: герменевтика метафоры / Лю Гэнхуа. — Текст : непосредственный // Иностранная литература : ежеквартальник. — 2001. — № 1. — С. 11–14. = 刘耕华. “游戏”与“对话”：隐喻的诠释学. 国外文学 (季刊), 2001(1): 11-14.

9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред и с предисл А. Н. Баранова. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с. — Текст : непосредственный.

10. Филиппова, Н. Б. Спортивная метафора как сублимация военной метафоры (на материале политической коммуникации) / Н. Б. Филиппова. — Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 130. — С. 80–87.

11. Чудинов, А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 91–105.

12. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2001. — 238 с. — Текст : непосредственный.

13. Чжан, Лисин. Исследование метафорического когнитивного нарратива дипломатического дискурса / Чжан Лисин. — Нанкин : Издательство Юго-Восточного университета, 2014. — 182 с. — Текст : непосредственный. = 张立新. 外交话语隐喻认知叙事研究. 南京 : 东南大学出版社, 2018.

14. Чжао, Шифэн. Краткий учебник по русскому флагу / Чжао Шифэн. — Шанхай : Издательство Университета Фудань, 2011. — 286 с. — Текст : непосредственный. = 赵世峰. 俄罗斯国旗简明教程. 上海 : 复旦大学出版社, 2011.

15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.

16. Lakoff, G. Metaphors we live by / G Lakoff, M. Johnson. — Chicago : The University of Chicago Pr., 1980. — 242 p. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (2006). *Logicheskiy analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igrы* [Logical analysis of language. Conceptual fields of the game]. Moscow: Indrik, 543 p. (In Russ.)
2. Апресян, Ю. Д. (1971). О регулярной многозначности [On regular polysemy]. *Izvestia of the USSR Academy of Sciences. Ser. lit. and yaz.*, 6. (In Russ.)
3. Apinyan, T. A. (2003). *Igra v prostranstve ser'eznogo. Igra, mif, ritual, son, iskusstvo i drugie* / T. A. Apinyan. — Moskva : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. — 113s. — Tekst : neposredstvennyy.
4. Baranov, A. N., & Karaulov, Yu. N. (1993). *Russkaya politicheskaya metafora : materialy k slovaryu* [Russian political metaphor materials for the dictionary]. Moscow: In-t of Rus. Lang. of the USSR Academy of Sciences, 113 p. (In Russ.)
5. Budaev, E. V. (2016). *Diskusivnyy podkhod k analizu politicheskoy metafory* [A debatable approach to the analysis of political metaphor]. *Culture and text*, 1, 5–19. (In Russ.)

6. Wang, Lifei (2014). *Learning a Business foreign language*. Beijing : University of International Business and Economics Press, 201 p. (In Chinese.)
7. Dementieva, M. K. (2009). Yazykovoe sredstva vyrazheniya otsenki v sovremennom rossiyskom ofitsial'nom politicheskom diskurse [Linguistic means of expressing evaluation in the modern Russian official political discourse]. *Political Linguistics*, 4, 82–92. (In Russ.)
8. Liu, Genghua (2001). “Game” and “dialogue”: hermeneutics of metaphor. *Foreign literature (quarterly)*, 1, 11–14. (In Chinese.)
9. Lakoff, G., & Johnson, M. (2004). *Metaphors that we live by* (Translated from English, ed. and with a preface by A. N. Baranov). Moscow : Editorial URSS, 256 p. (In Russ.)
10. Filippova, N. B. (2011). Sportivnaya metafora kak sublimatsiya voennoy metafory (na materiale politicheskoy kommunikatsii) [Sports metaphor as a sublimation of military metaphor (based on the material of political communication)]. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 130, 80–87. (In Russ.)
11. Chudinov, A. P. (2004). Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Cognitive-debatable study of political metaphor]. *Questions of Cognitive Linguistics*, 1, 91–105. (In Russ.)
12. Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical Univ., 238 p. (In Russ.)
13. Zhang, Lixing (2018). *A study of the metaphorical cognitive narrative of diplomatic discourse*. Nanjing: Southeastern University Press, 182 p. (In Chinese.)
14. Zhao, Shifeng (2011). *A short tutorial on the Russian flag*. Shanghai: Fudan University Press, 286 p. (In Chinese.)
15. Sheigal, E. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: ITDGC “Gnosis”, 326 p. (In Russ.)
16. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Pr., 242 p.